

Николас Р. Джилви

Что имеют в виду либералы, когда говорят о «ненависти»

Оригинал: Nicholas R. Jeelvy. What Liberals Mean When They Say "Hate"

Источник: <https://counter-currents.com/2021/12/what-liberals-mean-when-they-say-hate/>

Перевод с английского, 2021 г. На русском языке публикуется впервые!

*Сожжение тамплиеров из «Больших французских хроник»
(Grandes Chroniques de France, 1314 г.)*

Одно из самых суровых осуждений, которые получаем мы как белые националисты и идентаристы состоит в том, что мы, мол, преисполнены ненависти и что мы руководствуемся исключительно ненавистью к небелым. Это обвинение информирует большую часть основного дискурса о нас и значительную часть нашего основного антидискурса (имеется в виду наше обращение к «нормальным»). Белые националисты и идентаристы часто отчаянно защищаются от этого обвинения, так же отчаянно, как консерваторы стремятся доказать, что они не являются расистами. Действительно значительная часть того, что считается «хорошим впечатлением», избегает открытой ненависти к небелым

группам или всему, что может даже выглядеть подобно этому. Мы стремимся изображать себя мотивированными исключительно заботой о собственной группе и изображать наше недоверие к посторонним как чисто рациональное и вызванное реакцией. Хотя это хорошо и, несомненно, представляет собой часть создаваемого хорошего впечатления, я считаю, что есть разные причины, по которым нас называют «полными ненависти».

Для начала давайте подумаем о природе этого мейнстрима и его основных предпосылках. У него есть два крыла, прогрессивное левое и либертарианское правое, но оба основаны на одном и том же предположении, а именно, что все люди созданы равными. Из этого предположения вытекают все идеи об универсальных ценностях, то есть они якобы применимы к любому человеку во всем мире, в любое время, в любом месте и в каждой культуре. Если бы они не применялись ко всем людям во всех местах, то эти ценности не были бы универсальными, но это невозможно, потому что «Все люди созданы равными», а если ценности не применимы к некоторым людям, то это означает, что не все люди созданы равными. Сама эта мысль является кощунственной и злой, или, говоря современным языком, расистской и полной ненависти.

Сравните это со взглядами белых националистов или взглядами идентаристов. Мы признаем, что как прогрессивное (социал-демократическое), так и либертарианское видение общества и сопутствующие им ценности не универсальны и не являются всеобщими для всех людей, но они, скорее, очень специфичны для конкретных эпох и мест, в которых они возникли. Социал-демократия – это форма общественной социальной организации, очень типичная для нордических (и смешанных с нордическими) белых. Либертарианство – это очень специфический продукт очень специфического подкласса английского либерализма, часто называемого манчестерским либерализмом, который приобрел большую популярность в торгашеской Британской империи девятнадцатого века. Обе системы были описаны Освальдом Шпенглером как единичные выражения не просто белого, но и конкретно германского и, в особенности, саксонского менталитета.

Более широкие диссидентские правые с некоторым удовольствием наблюдали, что либертарианская группа населения не была бы неуместной в конкретном белом углу белого этногосударства (вместе с табличкой, гласящей «no gurlz allowed» большими жирными буквами возле домика на дереве). Прогрессивизм, будучи более общепризнанным, более популярным и более мощным из двух крыльев универсалистского мировоззрения, имеет более широкую группу сторонников, но в отличие от исповедующих его представителей других рас, только белые прогрессисты практикуют его, не применяя двойных стандартов, чтобы избежать групповых предпочтений, то есть только белые люди исповедуют его должным образом.

Одно из первых действий новоиспеченного белого националиста, надеющегося привлечь людей на свою сторону, – это указать как раз на эти вещи: как социал-демократические, так и либертарианские общества функционируют только в том случае, если у них есть демография белого этногосударства. Он справедливо укажет на то, что если либертарианцы действительно хотели бы либертарианства, и если прогрессисты действительно хотели бы прогрессивизма, они мгновенно стали бы белыми националистами, потому что эти идеологии характерны только для белых людей (и, в более узком смысле, для белых нордических и германских народов). После этого белого националиста сразу же изгнали бы из приличного общества и обвинили бы в «ненависти». Он попытался бы защитить себя, утверждая, что он ни разу не сказал ни слова ненависти и что он никого не ненавидит (и, по всей вероятности, он честно никого не ненавидит), и что он просто указал на то, что черные люди – это как квадратный стержень, который просто не подходит для круглого отверстия либерализма. В этот момент его либеральные собеседники начали бы причитывать, скрежетать зубами, рвать на себе одежду и просить охрану убрать грязного ненавистника подальше от них. Сам того не подозревая, наш совершенно свободный от ненависти новичок-идентарист нарушил самое священное табу либерализма: «Все люди созданы равными».

Для либерала, будь он прогрессивист или либертарианец, сама идея, что черный, азиат, субконтинентальный, еврей или другая форма небелого человека представляет собой квадратный стержень, который никогда не войдет в круглое отверстие белых либеральных социальных систем, оскорбительна, потому что это опровержение универалистского тезиса. Действительно, претензия либерализма на легитимность состоит в том, что его ценности универсальны, всеобщы и всемирны, потому что «все люди созданы равными», и, следовательно, эти ценности универсальны для всех людей. Показать такому либералу неравного человека, изо всех сил тщетно пытающегося вписаться в якобы универсальную систему, значит предоставить подлинное доказательство того, что не все люди созданы равными. Это богохульство или, говоря современным языком, расизм. Даже что-то столь явно нерасовое, как указание на то, что южные и восточные европейцы не совсем приспособлены к северо-западным европейским системам (а мы не приспособлены), может быть легко отклонено как основанное на ненависти. Либералы всех мастей понятия не имеют, как устроена Италия. Все их модели указывают на то, что в ближайшие пять лет она развалится – и то же самое говорят со времен Рисорджименто. Италия, со своей стороны, функционирует и будет продолжать функционировать в обозримом будущем.

Но, возвращаясь к нашему ученику-идентаристу, какая на самом деле ненависть содержится в его сердце? Давайте проведем параллель с верой, которую мы все более или менее понимаем.

Христианство полно риторики о братстве людей и о том, как любовь Бога касается всех, а также других универсалистских провозглашений. Тем не менее, история христианства – это во многом история войны против неверных – тех, кто отверг Слово Божье. Атеист в фетровой шляпе думает, что это ошибка, но для здравомыслящего человека, даже человека другой веры, очевидно, что в рамках этой конкретной системы верований те, кто отвергает любовь Бога (неверные), так же заслуживают крестовых походов, инквизиции и неодобрительных взглядов на улице, как они заслуживают вечное проклятие и адский огонь. Точно так же, когда я вижу, как либералы возмущаются фашистами и теми, кто придерживается прочих нелиберальных идеологий, я понимаю жгучее стремление уничтожить неверных.

Предположим, однако, что у нас есть некий христианин, который заметил, насколько удивительно белой является эта религия, и, кроме того, что небелые, которые обращаются в нее, обычно сохраняют свои дохристианские религиозные обычаи и поведение. Затем он продолжает информировать своих собратьев-христиан об этом и выдвигать осторожный тезис, что их вера на самом деле не универсальна, а специфична для их времени и места, и что в действительности любовь Бога коснется только их, а не других, поскольку у других нет души, чтобы ее спасти (такой была ранняя вера мормонской церкви в отношении чернокожих, как я сам с удивлением узнал).

Если вы хотите представить себе, какой будет реакция, просто упомяните в разговоре в Сети с вашим любимым католиком-традиционалистом о том, что расовая принадлежность в некоторой степени важна в духовных вопросах. Действительно в наши дни, когда я хочу рассердить традиционалистов-католиков, мне достаточно лишь упомянуть, что Великий раскол между католической и православной церквями имел не только политический, но и этнический / расовый характер: греки, балканцы и другие народы Восточного Средиземноморья отделились от романского / германского Запада (который позже пережил еще один раскол, на этот раз между романскими и германскими народами во время Реформации). Затем я добавлю, что не возражаю против этих политических расколов между церквями, поскольку они позволяют каждой подрасовой группе поклоняться Богу в соответствии со своими биологическими потребностями, а затем слышу, как у собеседников начинается плач и скрежет зубный.

Говоря, что христианство или либерализм действительно являются тем, чем они являются по сути – неуниверсальными мировоззрениями, присущими конкретным людям в определенном месте и в определенное время, – мы наносим удар в самое сердце их источника легитимности. По иронии судьбы, то, по чему мы при этом бьем, это очень западный аспект, поскольку стремление фаустовского человека к покорению бесконечного пространства не знает границ, даже биологических. Его вера универсальна и применима ко всем людям во все времена, и те, кто утверждает иное, хуже простых неверных, потому

что они отрицают, что «Все люди созданы равными». Более того, они отрицают, что это универсальная ценность; на самом деле они отрицают, что вообще существуют такие вещи, как универсальные ценности. Таким образом, отрицая эти универсальные для всех людей ценности, они доказали, что они не люди! *Они враги человечества!* Звери! Чудовища!

Как обычно, до нас был Карл Шмитт. Из его «Понятия политического»:

«'Человечество' – особенно пригодный идеологический инструмент империалистических экспансий и в своей этически-гуманитарной форме это специфическое средство экономического империализма. Здесь действует формула Прудона, модификация которой напрашивается сама собой: Кто говорит 'человечество', тот собирается обмануть. Называть себя 'человечеством', ссылаться на человечество, присвоить себе само слово – все это (поскольку столь благородное имя нельзя носить без определенных последствий) могло бы только сделать явственным ужасающее притязание: за врагом отрицается качество человека, он объявляется *hors-la-loi* (вне закона) и *hors l'humanité* (вне человечества), а потому война должна быть доведена до крайней бесчеловечности».

Универсализму противостоит партикуляризм. Я не беспристрастный наблюдатель, комментирующий ситуацию. Я конкретный человек, из определенного времени, из определенной страны, определенной культуры, говорящий на определенном языке. Мои ценности не универсальны для всех людей; они конкретные, специфические для таких людей, как я. Мои привычки и методы не универсальны – и действительно, мир развалился бы, если бы все люди попытались бы жить, как я, – но они специфичны для таких людей, как я. Высказав это и искренне веря в сказанное, я совершаю смертный грех против универсалистских верований, указывая на границу, на непреодолимый барьер.

Фаустовский человек в своей декадентской либеральной форме смотрит на меня только с презрением и отвращением. Описывая меня, он испытывает искушение воскресить свои глубоко укоренившиеся предубеждения против юго-восточных европейцев (большинство из которых справедливы). Он считает меня демоническим существом, которое не несет ничего, кроме зловещих преград, преграждая путь в сад, созданный для него Богом или Природой (или Богом Природы). Я ранил его эго универсалиста, указав на его конечность, что он интерпретировал как мелочность и ограниченность. Нечаянно, потому что я ценю его идеи и потому, что я ценю конечное и местное, я наношу вред его идее. Таким образом, фаустовский человек в своей декадентской тенденции охвачен нечеловеческой ненавистью, настолько суровой, что он отрицает меня как человека и объявляет меня изгоем человечества. Затем он проецирует на меня эту нечеловеческую ненависть. Следовательно, указывая на то, что у него также есть традиция, место и предел, я – в своей хихикающей,

обласканной солнцем наивности – являюсь ненавистником, чудовищем, бесчеловечным зверем, призывающим к геноциду и разрушению.

В начале статьи я упоминал, что отрицание того, что кто-то является ненавистником, – важная часть создаваемого хорошего впечатления. Однако я также отмечу, что отрицать это так же бесполезно, как и объяснения консерватора, что он не расист, перед лицом небелых, заявляющих о системном расизме. Когда мы говорим «ненависть», мы имеем в виду враждебность, намерение причинить вред и убить и непомерное презрение. Когда они говорят «ненависть», они имеют в виду отрицание веры, что в нашем случае верно.

Итак, позвольте мне дать такой рецепт: когда мы отрицаем то, что являемся ненавистниками, помните, что именно враг подразумевает под ненавистью, и разъясните это определение сторонним наблюдателям, но всегда помните, что это определение ненависти, данное врагом, также является юридическим определением ненависти. Это станет еще более очевидным в ближайшие годы по мере усиления борьбы между партикуляристами и универсалистами.

Библиотека Велесова Слобода, 2022 г.